

евского – это своеобразный камертон, отзывающийся на эти проблемы. К XIX в. стремление к высоким идеалам сменяется трезвым расчетом, добро – пользой, красота – удобством. Парадоксальным вызовом такой действительности и стали образы "подпольного человека" и Родиона Раскольникова, которые превратили Достоевского в выдающегося русского философа, напрямую определившего умонастроения Ф. Ницше, Л. Шестова, С. Франка и косвенно – всей философствующей интеллигенции XIX–XX вв.

А теперь о Льве Шестове. Именно книга о Достоевском, которую перевели на восемь языков, включая китайский, принесла ему мировую славу. Впервые изданная в 1903 г., она называлась "Достоевский и Ницше (Философия трагедии)". Но свой особый смысл эта книга обретает в сопоставлении с другим произведением Шестова того же времени под названием "Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше (Философия и проповедь)". Это были первые оригинальные произведения Шестова, в которых он смотрит на выдающихся русских писателей сквозь призму идей западного мыслителя Ф. Ницше, вычленяя тем самым нечто новое и неожиданное в их позициях.

Незадолго до своей смерти в 1938 г. Л. Шестов уточнил три источника, из которых последовательно питалась его мысль. В статье, которую он посвятил памяти Э. Гуссерля (своего близкого друга), Шестов отмечает, что "первым учителем" у него был Шекспир, от которого он двинулся к философии Канта. "Но Кант не мог дать ответы на мои вопросы, – пишет он. – Мои взоры обратились тогда в иную сторону – к Писанию"¹. По неизвестной причине Шестов здесь не указывает на Ницше, который определяет суть его учения не меньше, чем Писание. Не указывает он здесь и на Достоевского, позволившего ему лучше понять самого себя.

Сравнивая Толстого с Достоевским, Шестов сопоставляет два взгляда на свободу. Для Толстого в его зрелые годы было истинным классическое понимание свободы, связанное с ограничением себя в пользу другого, будь то человек, народ или Бог. И в этом, по его представлениям, смысл подлинной религиозности и морали. Иной вектор, согласно Шестову, заключался в духовной эволюции Достоевского. Опыт каторги, считает он, помог Достоевскому открыть противоположный смысл свободы. В обстоятельствах тюрьмы, каторги, когда человек опускается в "последние глубины", ему открывается, что свобода – это вовсе не самоотречение, а произвол. А в самоотречении, наоборот, состоит смерть свободы.

И Толстой, и Ницше отдавали должное таланту Достоевского, но при этом, как считает Шестов, ценили противоположные стороны в его творчестве. «Ницше близки были подпольные рассуждения первой части "Преступления и наказания", – пишет Шестов. – Он сам, с тех пор как заболел безнадежно, мог видеть мир и людей только из своего подполья и размышлениями о силе заменять настоящую силу. Он простил охотно Достоевскому вторую часть – наказание за первую – преступление. Гр. Толстой – наоборот: за вторую часть – простил первую»².

Родион Раскольников, по мнению Шестова, бросает вызов и морали, и христианской религии от имени законов природы, где побеждает сильный. В своей книге о Льве Толстом он подчеркивает тот факт, что, с природной точки зрения, наши страдания и не страдания вовсе. Ведь, если один в жизненной борьбе победил, а другой оказался повержен, то его муки соответствуют естественному ходу событий. Почему систематически практикуемую природой жестокость, спрашивает Шестов, мы в отношении человека воспринимаем как противоестественную и незаконную? «Грому – можно убивать, а человеку – нельзя, – пишет он. – Засухе можно обрекать на голод огромный край, а человека мы называем *безбожным*, если он не подаст хлеба голодному! Должно ли быть такое противоречие? Не является ли оно доказательством, что мы, поклоняясь противному природе закону, идем по ложному пути и что в этом – тайна бессилия "добра", что добродетелям так и полагается ходить в лохмотьях, ибо они служат жалкому и бесполезному делу?»³

В "Анне Карениной", считает Шестов, неестественные, фальшивые нормы культуры пытаются одержать победу над живой жизнью. Но их власть над человеком, заме-